Ирина Прозвицкая

Ну, не только

Ирина Прозвицкая
Ну, не только

https://litres.ru/74707482
SelfPub; 2026

Аннотация

Правильный ответ короткий. Он помещается в графу.

«Буллили».

А потом она задумывается — и добавляет: «Ну, не только».

Потому что за этим словом стояло намного—много большее.

Это книга о привязанностях, которые не могли осуществиться. И о том, что случилось, когда всё началось. Хотя никто ей об этом не сказал.

Содержание

Глава 1. Буллили 4
Глава 2. Журнал 7
Глава 3. Бывает 10
Глава 4. Молли 15
Глава 5. По коридорам. 19
Глава 6. Одна 23
Глава 7. Ева. 29
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Ирина Прозвицкая
Ну, не только

Глава 1. Буллили

Онория

Кабинет настолько маленький, что казалось, будто его стены вот сомкнуться. На стене висело расписание, напечатанное на обычном принтере. Одна строчка была обведена маркером.

Ксения Ильинична сидела напротив и смотрела в бумаги. У неё были очки на цепочке, и она то надевала их, то снимала, как будто не могла решить, хочет ли видеть то, что там написано.

— Итак, — пробормотала она. — Онория.

Я не поправила. Все звали меня Нора. Но ведь она читала с листа, а на листе было написано полное имя. Передо мной стояли два пути: потратить минуту, чтобы объяснить этой женщине (имя которой я, конечно же не запомнила) как меня звать, или промолчать, не выдавая всем видом, что собственное имя режет мне слух. По своему обыкновению я выбрала второе.

— Почему вы перевелись? — спросила она, уделив меня взглядом.

Вопрос был до невозможности прост. У неё был список таких вопросов, я видела их краем глаза: «Почему переве-лись», «Есть ли трудности с поведением», «Нужна ли адаптационная программа». Она задавала их всем, и я была не первая. Я была всего лишь строчкой в *её* расписании.

Я сидела на стуле, который был ниже, чем нужно, и держала спину прямо, как учили. Я уже знала, что на такие вопросы есть правильные ответы. А по своему обыкновению они были короткими, и помещались в графу.

Я могла сказать правду. Она была неудобной, длинной и не помещалась в отведено не неё место. Правда была в том, что я любила одну женщину, которая никогда со мной не разговаривала. Что я была лучшей среди худших и худшей среди лучших.

Но я сказала:

— Буллили.

Ксения Ильинична кивнула. Не подняла глаз. Её ручка уже двигалась по строчке, и я видела, как она пишет что-то короткое. Наверное, «буллинг». Одним словом в графе.

Я задумалась. Не специально. Просто внутри что-то остановилось, как будто я наткнулась на стену, которую сама же и построила. И поспешно добавила:

— Ну, не только.

Ручка остановилась. Ксения Ильинична подняла глаза. На секунду мне показалось, что она сейчас спросит. Что она увидит. Что она скажет: «А что ещё, Нора?»

Но она сказала:

— Понятно.

И снова опустила глаза.

Я вышла в коридор. Он был длинный и светлый, и пахло краской — здесь недавно делали ремонт. Я посмотрела в окно. Там был двор, пустой, с качелями, которые никто не трогал. Я стояла и думала о том, что вот сейчас, в эту секунду, я снова сделала то же самое. Снова сказала «буллили». Снова спрятала всё остальное.

Не потому что не хотела говорить. Потому что не знала как. Потому что за три года я так и не научилась объяснять это в одну строчку. Потому что взрослые не спрашивали. Они записывали.

Я стояла у окна и смотрела на пустые качели. И в этот момент я поняла, что сейчас начнётся другое. Не «потом». Не «когда-нибудь». Сейчас. Потому что я снова промолчала. И снова выбрала удобную версию.

Я отвернулась от окна.

И вспомнила, как всё было.

Глава 2. Журнал

Я не помню, как попала туда в первый раз. Помню только, что после какого-то урока не пошла в столовую — не хотела. В столовой было шумно, и там были они, те, с кем я не разговаривала. Я пошла по коридору, просто чтобы не стоять на месте, и оказалась у двери в конце третьего этажа. Дверь была приоткрыта, и внутри сидела Ирина Александровна.

Я знала, кто она. Все знали. Бабушка Молли, «строгая, но справедливая». Взрослые всегда так говорят о тех, кого боятся.

Я не собиралась заходить. Я просто остановилась, потому что идти было некуда. Она подняла голову и посмотрела на меня так, будто ждала кого-то другого, но не удивилась.

— Ты чья? — спросила она.

— Нора.

Она посмотрела на меня долго — не на лицо, а на руки, на то, как я стояла, на форму, которая была мне великовата. Потом отложила ручку и сказала:

— Ну, заходи, раз пришла.

Я зашла. Села на стул у стены, подальше от стола, чтобы не мешать. Она вернулась к своим бумагам, и в кабинете стало тихо. Так бывает, когда рядом кто-то есть, но не требует, чтобы ты говорила. Пахло мелом и чем-то сладковатым, как будто там когда-то ели конфеты и забыли проветрить. Я

смотрела в окно, на пустой двор, и чувствовала, что впервые за день мне не нужно ничего изображать.

Я не помню, сколько я там просидела. Помню, что на следующий день пришла снова. И на следующий. Я не спрашивала, можно ли, а она не говорила «приходи». Я просто приходила, а она не выгоняла. И это было больше, чем я получала где-либо ещё.

Потом она начала говорить. Не сразу — сначала короткими фразами, брошенными через плечо: «Опять ты», «Садись», «Не мешай». Потом длиннее — про школу, про учителей, про то, что некоторые ученики не хотят учиться и тянут всех вниз. Она не называла имён и не говорила «тупые», но вздыхала так, что мне становилось всё понятно. Я соглашалась.

Однажды она дала мне журнал.

— Держи. Выставишь — отдашь.

Я взяла его в руки и почувствовала вес — не бумаги, а чего-то большего. Журнал был толстый, с потрёпанными углами, и на первой странице кто-то когда-то поставил кляксу. Я открыла его, нашла пустые клетки и взяла ручку — металлическую, холодную, не такую, как в пенале. Поставила первую цифру. Пятёрку. И почувствовала, как что-то во мне выпрямилось, будто я стала выше на полголовы.

Она доверила мне журнал. Не кому-то. Мне.

Я выставила всё, закрыла и отдала. Она кивнула, не поднимая головы.

— Молодец. Завтра ещё поможешь.

Я вышла в коридор. Он был пустой, и пахло мелом. Я шла к лестнице и чувствовала, как тепло ещё держится внутри, как будто я унесла его с собой. Я думала, что это дружба.

Я не знала, что это привязанность. И что она не осуществится.

Глава 3. Бывает

В кабинете пахло старым деревом и сладкой пылью, какой бывает в шкафах с бумагами. Но под этим запахом было что-то её — может, лак для волос, может, мыло, а может, старая ткань. Этот запах тянул. Нора стояла в дверях, вдыхала его и не могла насытиться.

Ирина Александровна проверяла тетради. Серые волосы падали на лицо, и она иногда убирала их за ухо. Красная ручка иногда переставала писать, и она держала её на весу, будто забывая, что хотела.

— Опять ты, — сказала, не поднимая головы.

Нора молчала. Она знала: это не значит «уходи».

Стул у стены, поджатая нога. Ирина Александровна бормотала себе под нос непонятные слова. Нора ждала — не зная чего.

Потом Ирина Александровна подняла глаза. Их взгляды на секунду встретились — и что-то внутри Норы оборвалось. Глаза у учительницы были пронзительно-голубые, как зимнее небо. От этого взгляда хотелось одновременно спрятать-

ся и остаться. Она смотрела так долго, будто видела то, чего другие не видят.

Женщина вернулась к тетрадям.

Горло Норы сжалось, щёки загорелись. Она не знала, что это было, но хотела, чтобы это повторялось снова.

Она заговорила медленно, пытаясь оживить Ирину Александровну. Про кашу, про пропуск Молли, про Лермонтова, которого она знала, но не подняла руку. Ирина Александровна слушала и иногда говорила «ну да», «бывает», «понимаю». Голос был низким и хрипловатым, и эти слова оставались где-то в груди Норы, согревая.

Однажды Нора сидела ближе к столу. Ирина Александровна случайно задела её руку. Пальцы были сухими и тёплыми. Нора почувствовала это как ток, короткий, но запомнившийся навсегда.

— Извини, — сказала учительница.

— Ничего, — ответила Нора и покраснела, повернувшись к окну.

Нора рассказывала всё. Про маму, работающую в две сме-

ны. Про тишину дома. Про одноклассников, которые не хотят с ней сидеть. Про то, как однажды она сказала маме «я не хочу жить», а мама ответила «не говори ерунды, я устала». Рассказывала без разбора, словно вытряхивала мешок на стол. Ирина Александровна слушала, не морщась. Это было главное.

Она принимала всё — любую мелочь, любую глупость, любого папу, что сел. Не говорила «это неважно» или «давай о другом». Просто кивала. И Норе казалось, что это и есть принятие. Она не знала, что можно принимать всё и ничего не давать взамен. Что «без разбора» — не щедрость.

Однажды Нора рассказала про отца.

— Он сел, в прошлом году. Мама говорит, сам виноват. Он писал, а я не отвечаю.

Ручка замерла, на бумаге появилась клякса. А Ирина Александровна не заметила. Она подняла глаза — медленно, поверх очков. В окно пробилось солнце, и лучи легли на её волосы, на редкие седые пряди. На секунду она стала похожа на выцветшую фотографию. Потом отложила ручку, сложила руки на столе.

Нора смотрела на её руки — морщины, вены, сухие паль-

цы. Хотела, чтобы эти руки коснулись её ещё раз — уже не случайно.

— Ну знаешь, Нора, — тихо сказала Ирина Александровна, — бывает по-разному. Люди оступаются, и не всегда встают. В жизни всякое бывает. Не бери на себя чужую боль. Он пишет? Пусть пишет. Это его дело. Твоя задача — учиться. Ты умная, я вижу. Не расстраивайся. Понимаешь?

Она сказала это быстро. Не глядя. С облегчением, что тема закрыта.

«Я устала, у меня своих забот хватает», — услышала Нора между строк.

Она кивнула, но внутри что-то не сдвинулось. Ожидала больше слов, о папе, о себе. Но учительница вздохнула, взяла ручку, волосы снова упали на лицо. Солнце ушло. И она снова стала просто усталой учительницей.

— Молодец, что рассказала, — сказала. — Теперь иди, мне работать.

«Иди. Пожалуйста, я больше не могу.»

Нора встала, вышла в коридор, где пахло мелом. Шла,

чувствуя, что что-то не так, но не понимала что. Рассказала всё — и не была услышана. Открыла дверь — там стена.

Она думала, что выложить всё значит быть увиденной. Но её не увидели. Просто выслушали и закрыли тему.

Я не знала тогда, что «бывает» — это не ответ.

Глава 4. Молли

В тот день Нора пришла раньше. Домой не хотелось, да и не надо было. Девочка шла по третьему этажу, уже зная, что дверь в конце коридора приоткрыта. Толкнула её и замерла.

В кабинете была ещё одна.

Девушка сидела у Ирины Александровны на коленях — на том самом стуле — и что-то тараторила, размахивая руками. Учительница слушала. Не так, как Нору: красная ручка лежала забытая, а взгляд Ирины Александровны был мягким, без того острого блеска.

Нора стояла в дверях, не знала, дышать ли.

— А, — обернулась девушка. — Про тебя бабушка рассказала.

Это прозвучало не злобно, скорее любопытно, как будто описывали сломанную игрушку и проверяли, совпадает ли.

— Это Молли, — сказала Ирина Александровна теплее, чем обычно, гордо. Так говорят о фамильной драгоценности.

Нора кивнула, прошла внутрь, упала на свой стул, поджала ногу. Ноги всё ещё не доставали до пола. Молли, наверное, доставала.

Молли была старше, но насколько — непонятно. Длинные волосы собраны в тёмно-русый хвост, с выжженными концами. На запястье — пёстрый браслет из резинок. Она говорила быстро, Ирина Александровна слушала, не перебивая, не вздыхая.

— …и она сказала, что могу пойти на олимпиаду, но там будет этот из параллельного, а он всё портит…

Учительница кивала, улыбалась. Волосы убирала за ухо — не усталостью, а с удовольствием.

Нора считала: улыбка — раз, кивок — два, волосы за ухо — три, снова улыбка — четыре. Глупо, и она это понимала.

Она ждала, что учительница обернётся, взглянет на неё, включит в разговор. Но Ирина Александровна смотрела только на Молли.

Внутри Норы поднялась холодная волна — это знакомое чувство от боли незаметности. Как когда мама говорит по телефону с кем-то другим, а ты стоишь рядом и ждёшь взгля-

да. Но его нет.

Девушка замолчала и вздохнула.

— Ладно, я пойду. У меня геометрия.

— Иди, — сказала учительница. — Учись.

Молли встала, прошла мимо Норы, остановилась.

— А ты чего тут сидишь?

Нора не знала, что ответить. Тут было тепло, и её не выгоняли.

— Просто, — сказала тихо.

Девушка пожала плечами и ушла. Тяжёлая дверь с оттяжкой хлопнула.

Ирина Александровна долго смотрела ей вслед — дольше, чем смотрела на Нору. В её глазах было что-то, чему Нора не знала названия. Не любовь — любовь она бы узнала. Что-то глубже. То, что просыпалось только для Молли.

Учительница обернулась.

Её лицо снова стало спокойным, чуть усталым.

— Хорошая девочка.

И всё.

Нора кивнула. «Хорошая девочка» — это не про неё. Это не для неё, а для той, что была в глазах учительницы.

Нора встала.

— Я пойду.

— Иди. Завтра приходи…

Она помедлила и вышла. Шла к лестнице, чувствуя, что изменилась. Она больше не была единственной.

Я не знала тогда, что это была первая трещина. Что позже таких трещин станет больше. Что я буду искать это «долго» у других — у Евы, у Инны Романовны, и наконец у самой Ларисы Петровны. Но нигде не найду.

Потому что так смотрят только на своих.

Глава 5. По коридорам.

После того дня Молли стала здороваться. Не каждое утро и не всегда, но достаточно часто, чтобы Нора невольно замедляла шаг у выхода из класса, вглядываясь в пустой гул коридора. Она искала тёмно-русый хвост и пёстрый браслет на запястье. И иногда находила. Однажды Молли просто остановилась рядом с ней у высокого окна на втором этаже и сказала: «Пойдём». Без уточнения куда и зачем, и Нора поддалась, чувствуя, как внутри что-то мягко уступает. Они медленно шли мимо кабинетов, вскоре мимо столовой с запахом подгоревшего молока, мимо облупленной зелёной краски на перилах, снова мимо кабинетов. Молли говорила без пауз — про класс, химичку, про то, что половина школы — «клинические» (она имела в виду тех, кто ходит к психологу, но говорила это так, будто это болезнь), а Нора просто слушала, кивая в такт и глядя на ботинки. Иногда поддакивала, чувствуя, как чужая рука в широком рукаве то и дело касается её локтя — каждый раз вздрагивая, как от укола. В кабинете Ирины Александровны Нора была нужной — той, кому доверяют журнал. Здесь, в гулком коридоре, она была выбранной. Молли могла пойти с кем угодно, но пошла с ней.

— Смотри, — вдруг сказала Молли, кивнув на девочку из параллельного класса. Та стояла у окна, уткнувшись в учеб-

ник, так что было видно только её косу. — Видишь? Зубрит. Всегда как дура.

Нора хмыкнула — Молли это ждала. Но краем глаза она заметила у девочки порванный рукав, аккуратно зашитый белыми нитками. Кто-то дома заботился. Нора подумала об этом, но тут же отогнала эти мысли. Нельзя с Молли.

— Ага, — сухо отозвалась она.

Молли не заметила.

Они шли дальше. Молли говорила о людях — о тех, кто «не догоняет», кто «деревянный». Слово «тупой» не произносила — щурилась и цедила через зубы: «Ну, ты поняла». Нора понимала без слов. Это было их слово.

Когда они проходили мимо окна на третьем этаже, Нора вдруг остановилась. За стеклом сидел мокрый, взъерошенный голубь с поджатой лапой. Он смотрел на неё круглыми блестящими глазами — и она смотрела на него.

— Ты чего? — спросила Молли, обернувшись.

— Ничего, — ответила Нора. — Голубь.

Молли фыркнула и пошла дальше. Нора постояла ещё секунду, потом пошла следом. Но что-то осталось у окна с мокрым голубем — что-то, что она не могла отдать Молли.

Иногда к ним прилипала Злата из класса Молли. Тихая, мягкая, она мелко кивала и вставляла свои «ага» и «точно» в каждую паузу. Нора не понимала, зачем она здесь, но Молли не отшивала, и Нора молчала, принимая её как часть этого «нового».

Потом Молли прищурилась, глядя на лестничный пролёт, где сновали восьмиклассники.

— Есть одна. Из восьмого. Ева. Видела?

Нора мотнула головой.

— Пойдём, познакомлю.

Они не пошли. Молли забыла — или передумала, или увидела кого-то в толпе. Но через неделю Ева сама нашла Нору в коридоре. Остановилась напротив, посмотрела — прямо, без улыбки, — и сказала:

— Ты Нора. Мне Молли говорила.

И пошла дальше. Не дожидаясь ответа.

Глава 6. Одна

Сначала Нора думала, что это ненадолго. Молли готовится к экзаменам — ну и что? Это же не навсегда. Пройдёт неделя, другая — и всё вернётся. Она ждала. Стояла у выхода из класса на каждой перемене, вглядывалась в гулкий коридор. Иногда видела хвост с бело-жёлтыми концами — и сердце подпрыгивало. Но Молли проходила мимо, кивала коротко, как кивают знакомым, и шла дальше.

Прошла неделя. Потом ещё одна. Нора перестала считать дни — просто приходила и стояла. Коридор был всё тот же: длинный, с облупленной зелёной краской на перилах, с запахом подгоревшего молока из столовой. Только Молли в нём больше не было. Или была — но не для неё.

За это время сменилась погода. Утром на стёклах появился иней — тонкий, как паутина, — и Нора смотрела на него и думала, что вот уже зима, а она всё ещё стоит у выхода из класса. Она привыкла. Привыкла замедлять шаг. Привыкла искать хвост с бело-жёлтыми концами. Привыкла не находить.

Злата подошла к ней как-то само собой — тихо, как подходят те, кто не хочет, чтобы их заметили. Встала рядом. По-

молчала. Потом сказала, глядя не на Нору, а куда-то в сторону:

— Ты это… не обижайся на неё. У неё правда экзамены. Она не со зла.

Нора кивнула. Злата ещё постояла — как будто хотела сказать что-то ещё, но не решалась. Потом добавила, совсем тихо:

— Просто она такая. У неё всё быстро. Сегодня одно, завтра другое.

И ушла. Нора смотрела ей вслед и думала: что это было? Предупреждение? Или просто Злата не умела молчать?

Молли она увидела уже позже — у кабинета химии. Молли стояла с девочкой из своего класса — высокой, с короткой стрижкой — и смеялась. Нора остановилась. Сердце стукнуло где-то в горле. Она хотела подойти — но ноги не шли. Она стояла и смотрела, как Молли запрокидывает голову, как блестят её зубы, как она касается плеча той, другой, — легко, привычно, как касалась когда-то её плеча.

Нора сделала шаг. Потом ещё один. Молли обернулась — и на секунду её лицо стало другим. Не злым. Просто далё-

ким. Как будто она смотрела не на Нору, а сквозь неё, на что-то за её спиной.

— Ага, — сказала Молли. — Слушай, я потом. У меня ОГЭ скоро.

И отвернулась.

Нора стояла. Слышала, как смеётся та, другая. Слышала, как Молли что-то говорит ей — тихо, быстро, — и как они обе идут вниз по лестнице. Шаги стихли. Стало тихо.

Она не помнила, как дошла до кабинета Ирины Александровны. Помнила только запах — старый лак, сладкая пыль, что-то ещё, неуловимое. Дверь была приоткрыта. Внутри горел свет.

Ирина Александровна сидела за столом и проверяла тетради. Красная ручка двигалась по строчкам. Нора села на стул у стены, поджала под себя ногу и стала смотреть.

Прошла минута. Потом ещё одна. Ирина Александровна не поднимала головы.

— А где твоя подруга? — спросила она наконец.

Нора пожала плечами. Плечи дёрнулись сами, без её участия.

— Готовится.

— А, — сказала Ирина Александровна. — Ну да. Ей же скоро.

Ручка снова задвигалась. Нора смотрела на неё — красную, дешёвую, с потёртым колпачком, — и считала. Улыбнулась — раз. Кивнула — два. Убрала волосы за ухо — три.

Она знала, что это глупо. Но остановиться не могла.

Ирина Александровна вздохнула — коротко, как будто сбросила с плеч что-то тяжёлое, — и сказала:

— Иди, Нора. Мне надо работать.

Нора встала. Вышла в коридор. Он был пустой. Пахло мелом и сыростью. Она дошла до окна на втором этаже — того самого — и остановилась. За стеклом было серо. Ни голубя, никого. Только ветки, чёрные, как трещины, и иней на стекле — тонкий, как паутина.

Она достала телефон. Открыла приложение. Питомец был

там. Живой. Ждал. У него было смешное имя, которое они придумали вместе — она и Ева, хотя они ещё ни разу не разговаривали. Просто переписывались. Просто питомец. Нора смотрела на него, и горло сжималось так, что было трудно дышать.

Она не стала закрывать приложение. Просто убрала телефон в карман — и пошла домой.

Дома она лежала на кровати и смотрела в потолок. За окном уже стемнело — рано, по-зимнему. Телефон тихо звякнул. Нора взяла его. На экране было уведомление.

«Твой питомец скучает».

И ниже, мелким шрифтом:

«Ева хочет добавить вас в друзья».

Нора смотрела на эти слова. Долго. Так долго, что телефон погас и пришлось нажать кнопку снова.

Она не знала, кто такая Ева. Но питомец скучал. И она скучала. И Молли ушла. И Ирина Александровна сказала «иди, мне надо работать».

Она нажала «Принять».

Я не знала тогда, что это было не начало дружбы. Это был конец. Но я не знала. Я просто хотела, чтобы кто-то скучал.

Глава 7. Ева.

Первой написала Ева. Не «привет» и не «как дела», а сразу: «Твой питомец от тебя скучает. Покорми».

Питомец сидел нарисованный, плоский, с глупой мордой. Нора ткнула в него пальцем. Покормила.

«Сделала», — отправила она.

«Молодец. А то он у тебя грустный».

От этого «грустный» почему-то становилось тепло. Будто Ева стояла рядом и всё видела. Хотя они никогда не разговаривали — Нора знала Еву только со спины, в коридоре, на лестнице.

Так и пошло. Каждый день после школы. Сначала про питомца — покорми, погуляй, купи ему шапку. Потом про школу: «как химичка?», «а этот, из параллельного, всё ещё строит из себя?». Потом про всё остальное.

Нора не заметила, как начала рассказывать. Сначала по мелочи — что не пошла в столовую, потому что там Молли с той, с короткой стрижкой. Потом крупнее — про Ирину

Александровну.

«Она на меня даже не смотрит. Я сижу у неё в кабинете, а она как будто меня нет».

Ева ответила не сразу. Нора успела испугаться, что написала лишнего и сейчас Ева скажет «ну ты и странная» и исчезнет, как Молли. Но телефон звякнул.

«А зачем ты к ней ходишь?»

Простой вопрос без осуждения. И Нора поняла, что никто ей такого раньше не задавал. Все спрашивали «как», «почему», «что случилось». А Ева спросила «зачем». Будто у Норы был выбор.

«Не знаю, — написала она. — Там тихо».

«Понятно. Тихо — это хорошо».

Никаких взрослых советов. Нора перечитала это три раза.

Потом Ева написала:

«А ты знаешь, что у нас в школе психолог живёт в моём доме?»

«Какой психолог?»

«Юлия Александровна. Ну, которая с тобой разговаривала после того случая».

У Норы похолодели пальцы. Юлия Александровна. Кабинет с мягкими креслами, коробка салфеток на столе, голос ровный и слишком спокойный. Нора была там один раз и старалась не вспоминать.

«Откуда ты знаешь, что я с ней разговаривала?»

«Молли сказала. Она же всё про всех знает».

Нора не помнила, чтобы Молли что-то про неё знала. Но Молли знала Ирину Александровну. Могла знать и это. Молли вообще была из тех, кто много знает.

«И что?» — написала Нора.

«Ничего. Просто она живёт в моём подъезде. На девятом этаже. И она мой классный руководитель».

«Психолог — твой классный руководитель?»

«Ага. Так вышло. Она ведёт у нас классное руководство. И ещё она иногда подвозит меня в школу».

«Подвозит?»

«Ну да. У неё машина. А у моих родителей нет. Ну, то есть есть, но они не за рулём. Папа не водит, у мамы прав нет. А Юлия Александровна живёт в моём подъезде, на девятом. Ей по пути. Иногда она меня ждёт у подъезда, иногда я её".

Нора представила, как Юлия Александровна, которая говорила «расскажи мне, что случилось» и записывала в блокнот, сидит за рулём и смотрит в зеркало. Ждёт Еву.

«И вы едете вместе?»

«Ага. До школы. Пятнадцать минут. Иногда двадцать, если пробки».

В голове Норы Юлия Александровна существовала только в кабинете — с салфетками, с ровным голосом, с этим «ты можешь мне доверять». А оказывалось, у неё была машина, и она каждое утро подвозила Еву. Пятнадцать минут.

«А о чём вы говорите?» — написала Нора.

«По-разному. Про школу. Про класс. Про всякое. Иногда она спрашивает, как у меня дела. Иногда я спрашиваю, как у неё. Она говорит: "Ну, как у психолога. Работаю". И смеётся».

«А ты?»

«Что я?»

«Ты ей рассказываешь? Ну, про себя?»

Ева долго не отвечала. Потом:

«Иногда. Но не всё. Она умеет слушать. Это ведь в каком-то роде её работа».

В этом было что-то такое простое и обыденное, что Норе захотелось плакать. Юлия Александровна умела слушать, это была её работа. Но Ева ездила с ней в школу каждое утро, пятнадцать минут, и иногда рассказывала про себя. А Нора сидела в кабинете с салфетками и молчала.

«А она тебя не спрашивает про меня?» — написала Нора и тут же испугалась: зачем она это спросила? Что за странный вопрос? Но Ева не удивилась.

«Нет. Она вообще про других не рассказывает. Это тоже её работа».

«А какая она в машине?»

«Обычная. Ведёт. Иногда молчит. Иногда музыку включает. У неё в машине пахнет кофе и ещё чем-то. Не знаю. Как будто она всегда пьёт кофе, даже когда не пьёт».

Нора засмеялась. Впервые за несколько недель — вслух, в пустой комнате. Юлия Александровна в машине, пахнет кофе, включает музыку, молчит. Что-то в этом было такое простое, такое человеческое, что хотелось плакать.

«Ты чего?» — написала Ева, будто почувствовала.

«Ничего. Просто смешно».

«Ага. Смешно».

Нора не знала, что Ева не смеётся. Что Ева сидит в своей комнате, смотрит на экран и запоминает каждое слово.

Нора рассказывала ей всё. Про Молли — как та ушла, как не оглянулась, как смеялась с той, с короткой стрижкой. Про Ирину Александровну — как та дала журнал, как коснулась

руки, как сказала «бывает» и закрыла тему. Про папу — что он пишет, а она не отвечает, и что мама говорит «сам виноват». Про то, что дома тихо. Про то, что в школе шумно. Про то, что она не знает, где хуже.

Ева слушала. Ева отвечала — не всегда сразу, иногда через час или два. Но всегда. И всегда точно. «Это не твоя вина». «Она не имела права так говорить». «Ты не странная. Ты просто одна. Это разное».

«Это разное» — и что-то внутри отпускало. Как будто кто-то наконец сказал вслух то, что она сама не могла сформулировать. Она не странная. Она просто одна, а это правда разное.

Она не знала, что Ева не придумала это сама. Что где-то — в книге, в фильме, в чужой переписке — эта фраза уже была. Что Ева просто взяла её и отдала Норе.

Она не знала. Она думала, что Ева понимает.

Питомец рос. У него появилась шапка, потом шарф, потом маленький рюкзак. Нора тратила на него всё свободное время — кормила, гуляла, покупала вещи. Питомец был живой, настоящий, свой. Он не уходил к другим. Не смеялся с другими. Не говорил «я потом».

«Он похож на меня», — написала Нора однажды.

«Почему?»

«Его все гладят, а он всё равно один».

Ева долго не отвечала. Потом:

«Я тебя глажу. Мысленно».

«Мысленно». Будто Ева протянула руку — через экран и расстояние.

Нора прижала телефон к груди. Сидела так, пока не стемнело.

Я не знала тогда, что «мысленно» — это слово. А слово можно написать любому. И любой может написать его тебе.

Но я не знала. Я думала, что меня наконец кто-то видит.

Помедлив, Ева спросила:

«А тебе кто-нибудь нравится?»

Какой глупый вопрос.

«Нравится» — это слово из другого мира, где девочки пишут друг другу записки, где мальчики дёргают за косички, где можно покраснеть и сказать «нет». У Норы такого мира не было.

«В каком смысле?» — написала она.

«Ну, в каком... В таком. Как мальчик девочке».

Нора задумалась. Она могла соврать. Могла написать «никто». Могла закрыть тему, как закрывала всё, как «бывает».

«Не как мальчик девочке», — написала она.

«А как?»

«Просто нравится. Как человек».

Ева не ответила сразу. Потом:

«А, ну это нормально. У меня тоже есть такая. Учительница. По математике. Я её обожаю. Она такая... — Пауза. — Ну, в общем, я понимаю, о чём ты».

Ева ответила сразу, будто ждала этого вопроса. Будто у неё уже был готов ответ. Нора же не обратила внимания.

«А кто она?»

«Математичка? Молодая. Она рассказывает интересно. И вообще — она не как все».

Не как все. Вот оно. Вот слово. Настоящая. Не усталая, не добрая, не «заходи, раз пришла». Настоящая. Как Лариса Петровна.

«А ты ей говорила?»

«Что?»

«Ну, что она тебе нравится».

Ева долго не отвечала. Потом:

«Ты что, нельзя. Она же учительница. Это другое».

Почему другое? Если Ева любит свою математичку — и это нормально, и это можно, и Ева сама сказала «я понимаю». А Нора любит Ларису Петровну — и это грех?

«Почему другое?»

«Ну, потому что. Учительница же. Это не то же самое, что девочка из класса».

«Но ты сказала, что понимаешь».

«Я и понимаю. Просто... — Пауза. — Ты не должна ей говорить. Никогда. Это останется между нами».

«Между нами». Тепло. Близко. Как секрет. Общий секрет. И Нора согласилась. Потому что Ева понимала. Потому что Ева тоже любила учительницу. Потому что Ева не осудила.

Она не заметила, что Ева не сказала «это нормально». Что Ева провела черту — и оставила Нору по ту сторону.

«А кто она?» — написала Ева.

«Лариса Петровна».

«Да ну!! Директриса?»

«Ага. История. Она у нас Библию читает».

«Понятно. Она у нас же верующая. — Пауза. — А почему она?»

Почему Лариса Петровна? Почему не Ирина Александровна, которая была рядом, которая давала журнал, которая касалась руки?

Лора была директором. И это тоже было важно. Она шла по коридору — и коридор пустел. Не из уважения. Из чего-то другого. Нора смотрела на это и думала: вот бы и на меня так. Чтобы кто-нибудь шёл — а я не боялась.

«Потому что она не боится».

Ева долго не отвечала:

«Чего не боится?»

«Меня».

Она никогда так не говорила — ни вслух, ни в переписке. Но это было правдой. Ирина Александровна боялась. Не Нору — себя. Что Нора скажет такое, чего она не выдержит. Поэтому «бывает» и закрывала тему. Поэтому «иди, мне надо работать». Поэтому не спрашивала.

А Лариса Петровна не боялась. Спрашивала — и не отступала. Ставила два — и не извинялась. Выгоняла из класса — и не оглядывалась. Она была первой, кто не испугался Норы. Ни её боли, ни её молчания, ни её глаз. И Нора думала: вот кто выдержит. Вот кто не уйдёт. Даже если кричит. Даже если выгоняет. Потому что не боится. А кто не боится — тот остаётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.